

Украинский художник в России XVII ст.

Евтушенко С. В.

Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник.

– Харків: Майдан, 1998. – С. 80-88.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт Східного інституту українознавства імені Ковальських.

Адреса редакції:

Східний інститут українознавства імені Ковальських («Схід/Захід»), ауд. 4–87,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
пл. Свободи, 6,
Харків, 61077,
Україна.

E-mail: siu.kharkiv@gmail.com

Тел.: +38 057 705 26 30;
+38 096 1555 136

Веб-сайт: <http://keui.univer.kharkov.ua>

© Східний інститут українознавства імені Ковальських

© Автор статті

© Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

© Ідея та створення електронного архіву часопису – А. М. Домановський

УКРАИНСКИЙ ХУДОЖНИК В РОССИИ XVII ст.

Очень немногие отечественные мастера, работавшие в конце семнадцатого столетия, удостоились в трудах потомков, почитавших художества, сколько-нибудь подробных биографических описаний. Колоритная жизненная эпопея Василия Репского — современника Симеона Полоцкого и Петра Великого — также еще ждет своего Александра Дюма или, быть может, своего Леона Фейхтвангера, ибо эта драма могла бы вдохновить даже самого требовательного романиста. Но пока все написанное об украинском художнике Василии Репском умещается буквально в четырех предложениях, касающихся его профессиональных трудов на протяжении одного лишь 1678 года¹.

Наша недлинная биографическая “повесть” о живописце, жившем в одну эпоху с Бахом и Людовиком XIV, родилась из немногих и разных отрывочных известий, заимствованных в исторических хрониках прошлого века, в подлинных архивных “манускриптах”.

Василий Репский родился в самом зените семнадцатого столетия — не раньше 1650-го, но и не позднее 1651 года. Род его принадлежал к шляхетскому сословию. Отец и мать значились приписанными к познанскому повету. Надо пояснить, что до восемнадцатого века поветами скромно именовались зачастую обширнейшие территории Речи Посполитой. Впрочем, к 1665 году Репские-старшие проживали собственно в Гадяче, насчитывавшем на ту пору несколько тысяч жителей. Политическая ориентация семьи остается тайной, но, все же, брат будущего живописца Федор служил в середине шестидесятых не русскому царю Алексею, а польскому королю Яну Казимиру².

Очень возможно, что Репские находились в каком-то родстве с мстиславским епископом Мефодием Филимоновичем, одно время состоявшим “местоблюстителем киевской метрополии”, человеком властным и незаурядным, тонким дипломатом и удачливым политиком.

Январь нового, 1665 года четырнадцатилетний Василий Репский встретил в Киево-Печерской лавре, куда был определен “для научения” родителями. И жил он в эту пору, судя по всему, у самого знаменитого и высокоученого архимандрита Иннокентия Гизеля, ректора прославленной Киево-Могилянской академии.

Во второй половине января епископ Мефодий готовился к поездке в Москву: предстояли важные переговоры с царским правительством; подросток Репский оказался зачисленным в пышную, но немногочисленную свиту “ме-

стоблюстителя”. Так что родство Репских и Филимоновичей, действительно, представляется едва ли не обязательным, ибо сопровождать Мефодия к русскому двору назначены были лишь двадцать пять особо доверенных лиц.

В “Московию” мальчика отправили в качестве певчего — “дышканчика”, как на гибком языке той эпохи именовался юный обладатель безупречного дисканта.

В столицу Российской державы епископское посольство прибыло вечером 11-го или утром 12-го марта. Вскоре начались переговоры. А начавшись, — затянулись до жаркого июля³. Впрочем, в двадцатых числах того же месяца Мефодий со свитой уже держал обратный путь из Москвы на Родину; добрались до Белгорода... Здесь назначена была остановка. Тут-то и настиг украинцев отправленный из первопрестольной вдогонку Мефодию стряпчий Иван Образцов. По “объявлению” гонца, государь Алексей Михайлович изволил, чтобы Мефодий возвратил “к Москве” своего “дышканчика”...⁴ Характерно, что епископ согласился на возвращение юноши, ничуть не утруждая себя переговорами на сей счет с родными Василия: иначе как родственной близостью Мефодия Репским подобное “самоуправство” вряд ли объяснимо.

К слову, будучи в Москве, Филимонович весьма деятельно хлопотал о царском дозволении вернуться в Украину двум его сыновьям, которые проживали в российской столице как бы в “закладе”. Старания энергичного епископа увенчались совершенным успехом, и в июне 1665 года его дети оставили Москву.⁵ Уж не в этом ли причина спешного желания Алексея Михайловича удержать у себя, в Москве, певчего Василия: не сменил ли подросток в “закладе” повзрослевших сыновей своего покровителя?

“Сидевший” в Белгороде боярин и воєвода князь Борис Александрович Репнин отправил Василия в столицу не одного, а с сопровождающим — прапорщиком Белгородского полка Сафоновым Кузнецовым (для присмотра). В августе Кузнецов и Репский достигли столяного града. Курьезно, но в относящейся к этому периоду оживленной переписке Москвы по поводу препровождения Репского нашего юного героя (“вслевака”) непринужденно именуют то Рябским, то Рябчиковым, то Ребским... Между прочим, одним из первых официально и письменно “утвердил” его истинное имя — Василий Репский — не кто иной, как Симеон Полоцкий, поддерживавший, к слову говоря, весьма тесные и плодотворные связи с епископом Мефодием⁶.

По возвращении в Москву начался для Василия довольно бурный период преимущественно “артистической” деятельности, о котором он сам вспоминал позднее так: “...взят был в верх в певчии и был в певчих года с четыре”⁷; говоря проще, юный певчий удостоился чести услаждать слух самого Алек-

сея Михайловича. Впрочем, справедливости ради, заметим, что в известном нам отрывками собственном жизнеописании Василий Репский обращается с хронологией несомненно вольно, или же (что также не исключается) ему, действительно, приходилось совмещать в одно и то же время занятия весьма различного рода.

Поначалу, находясь в Москве, Репский проживал в “дому” думного дьяка (должность эта означала причастность к нижним чинам знаменитой Боярской думы) Дементия Минича Башмакова — для своего века деятеля влиятельного и дальновидного. Уже через два месяца после возвращения юноши из Белгорода царь по-отечески распорядился, чтобы казначей Нарбеков и дьяк Чистого выдали бы Василию — на платье — четыре аршина “добротного сукна”: юношу при дворе не забывали. В получении царского “дара” за Репского расписался, между прочим, Сенька Медведев... Тот самый подьячий (так в допетровские времена именовались канцелярские служащие) Приказа тайных дел, которому суждено было весьма скоро прославиться на всю Россию в качестве острого полемиста, блистательного литератора своего времени Сильвестра Медведева!

Посредничество будущей знаменитости в столь нехитром деле, как проставление росписи, позволяет достаточно однозначно трактовать фразу из царского указа от 15 октября 1665 года: “...велено Рябскому для науки книжного учения словенского языка быть в Москве в Никольском монастыре”⁸; видно, российской грамотой певчий, скорее всего, не владел.

Итак, с октября 1665-го Репский поселяется в Никольском монастыре (по соседству с нынешней Красной площадью). Вскоре в ближней к Никольскому Заиконоспасской обители начинаются занятия в только что учрежденном невиданном дотоле на Руси учебном заведении, именуемом в исторической литературе весьма различно, но чаще всего — училищем или школой молодых подьячих Приказа тайных дел. К занятиям в школе (а для нее — специально — спешным порядком возвели соответствующее строение) приступили, помимо двух сыновей Федора Казанца, непосредственно ведавшего сооружением училищного дома, еще лишь двое: уже знакомый нам Семен (впоследствии Сильвестр) Медведев и бывший в те годы почти на десятилетие младше Медведева Василий Репский.

Все учебные дисциплины в этом “дипломатическом колледже” семнадцатого века, в том числе латинский, польский, греческий, грамматику, риторику, поэтику, историю, а также философию и богословие, — преподавал единолично Симеон Полоцкий, одновременно состоявший и домашним наставником царских детей⁹.

К маю 1668-го занятия в школе завершились. Выпускников — “для на-

учения” и практики — отправили вместе с ближним боярином, еще все- сильным Афанасием Лаврентьевичем Ордыным-Нащокиным, в Курляндию (так именовалась в те времена западная часть Латвии). Ближний боярин возглавлял Посольский приказ, и при дворе герцога Курляндского Якоба сей русский “министр иностранных дел” оказался для участия в чрезвычайно важных переговорах, от которых в Европе — с разными чувствами — ожидали серьезнейших последствий — “вечного мира” между Москвой и Польшей. Однако, русские послы напрасно провели в тревожном ожидании несколько месяцев до самого октября 1668-го: уполномоченные польского короля и наблюдатели от шведов в Курляндию так и не явились...¹⁰

Судя по всему, с несостоявшихся переговоров в Москву Репский возвратился около 7 января 1669 года. Если, конечно, отправился в обратный путь непосредственно с Ордыным-Нащокиным. Впрочем, прибыть ко двору ранее декабря 1668-го он также не мог, даже если покинул Курляндию заодно с Медведевым, торопившимся в столицу для предварительного экстренного доклада царю.

По возвращении судьба бывшего певчего как-то удивительно переменилась: вместо того, чтобы продолжить совершенствование в премудростях дипломатического ремесла или, по крайней мере, вступить на поприще практической посольской деятельности, — быть зачисленным в Приказ тайных дел, — Репский — креатура, напомним, влиятельного епископа Мефодия, — меж концом 1668-го и осенью 1669-го, едва восемнадцатилетним, совершенно неожиданно (для нас — сторонних наблюдателей из девяностых годов двадцатого столетия) попадает в учение “живописному и перспективам” (по выражению упоминавшегося уже Федора Казанцева) к художнику Петеру Энгельсу, приехавшему в Россию из портового Гамбурга и преобразовавшемуся в русском окружении в “Петра Инглиса”.

К слову, до сих пор считалось, что самое раннее свидетельство пребывания Энгельса в России связано с мартом 1679-го. Из биографии же Василия Репского с несомненностью следует, что “Петр Гаврилович” (как именовали его русские современники) жил в Москве, самое малое, уже в конце шестидесятых. Что же касается давнего знакомого Василия — епископа Мефодия, — он в 1668-м был объявлен причастным к антимосковскому заговору гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкого, за что и поплатился ставшим для него, увы, пожизненным, заточением в Новоспасском московском монастыре-крепости¹¹.

Нам известно, что по приезде из Курляндии Репскому “велено было жить в Измайлове и в пустоши Просяной в живописцах и писать перспективы и иные штуки, которые належаг до комедии и он работал там года с три”¹².

Этот слог, этот характерный оборот “веле́но было”, — уж не следует ли считать их в судьбе бывшего “дышканчика” своеобразным отсветом неудачливого завершения блистательной карьеры местоблюстителя киевской метрополии?

У Энгельса Репский учился, скорее всего, живя в давнем царском “родовом гнезде” — селе Измайлове, где едва ли не одновременно, — если доверять свидетельству Симеона Полоцкого, — состоял и в “иконописцах”. “Штукки, которые належат до комедии”, — а это были, конечно же, театральные декорации, — Василий писал, наиболее вероятно, “поближе” к 1672 году, поскольку премьера первой комедии (и, вообще, русского театрального дела) свершилась 17 октября 1672 года. В этот день русский двор с неподдельным интересом знакомился с перипетиями “Комедии об Эсфири”, имевшей и другое название — “Артаксерксово действо”.

Прошло совсем немного времени, — и Репский оказывается отставленным от царской службы! Вероятно, это произошло в промежутке от октября 1672-го и до января следующего года. Можно предположить, — но именно предположить, — что “отставка” полного сил, совсем еще юного “декоратора” явилась следствием былой связи с попавшим в опалу Ординым-Нащокиным: после удаления Афанасия Лаврентьевича от государственных дел и пострижения в монахи мало-помалу лишились своих прежних мест и очень многие близко стоявшие в свое время к отвергнутому царскому фавориту. Тот же Сильвестр Медведев к началу 1671-го обрелся уже в ничем не примечательном монастыре у самых южных границ державы...¹⁵

Эпоха была нелегкой и суровой! Даже для иноземцев. “По царскому указу и боярскому приговору”, — невзирая на социальное положение, иначе говоря, будь он “черкашин” простой или же шляхтич, — тот, кто не имел официального подданства русскому царю, объявлялся своего рода “персоной нон грата” и должен был покинуть пределы Московского государства. К таким принадлежал и наш Василий Репский.

Единственным способом остаться в России была для “нежелательных” иноземцев, — помимо официального пребывания на царской службе, — добровольная отдача себя в “служилую кабалу”. А это означало — в буквальном смысле — “бить челом о холопстве”. ... 13 февраля 1673-го Василий Репский решился на этот отчаянный шаг. Правда, — как признавал он спустя три с лишним года, — подвиг его к столь рискованному поступку, а точнее, принудил “неволей”, могущественный царский любимец, удачливый соперник Ордина-Нащокина боярин Артамон Сергеевич Матвеев (воспитатель новой царской невесты — Натальи Кирилловны Нарышкиной).

Через годы, в июле 1676-го, Репский показывал, что, “видя его науку и

учение”, а пуще успехи в них Василия, боярин попросту “взял его насильно к себе во двор, держал в оковах (!) в посольском дворе (такова “дипломатия” семнадцатого века!) много время, моря голодною смертию, и неволей заставлял многожды играть у него на комедьях на органах (видимо, подразумевались распространенные в Европе совсем небольшие органы регаль или портатив) и скрипках”¹⁴.

Из этих слов Репского мы узнаем о покорившем царского фаворита умении нашего художника играть на клавишных и струнных. Иначе говоря, о действительно превосходных его музыкальных способностях. А ведь в феврале 1673 года Василию Репскому было не более двадцати двух!

Подневольная артистическая деятельность художника у боярина-меломана длилась по 8 июля 1676 года. В этот день он сбежал от своего притеснителя к новому царю, юному Федору Алексеевичу (царь Алексеем Михайлович “в бозе почил” 30 января 1676-го) — подал челобитную об освобождении от кабалы и приеме на царскую службу, “куда окажется годным”¹⁵. Матвеев активно протестовал против челобитной “беглого холопа”, равно как и против обвинений в насильственном закабалении Василия. Меж тем, по словам художника, в промежутке от 1673-го до июля 1676-го вероломный боярин успел даже женить закабаленного — не по его воле — на работнице стольника Михайлы Черкасского девке Пелагее¹⁶.

8 июля Репский “бил челом” новому государю, а 11-го его, — пойманым, — под стражею доставили на допрос: тяжба с Матвеевым положила начало пристрастному разбирательству. Репский своих показаний не менял. К следствию привлечены были лица, знавшие Василия еще на заре его “московской эпопеи” — Симеон Полоцкий и Федор Казанец (Казанцев). Чем закончился “розыск”, — неизвестно: в материалах “судебного” дела последние страницы почему-то отсутствуют. Однако, по прошествии — от момента “дознания” — с небольшим полутора лет мы обнаруживаем нашего Василия Репского уже среди так называемых “кормовых живописцев” Оружейной палаты: сбылась его мечта определиться на царскую службу.

В новом качестве он проходит как живописец “второй статьи” и получает “в приказ” пять аршин “сукна кармазинового”, а 16 сентября того же 1678 года приступает с коллегами по живописной команде Оружейной палаты к росписям в церкви “Спаса Нерукотворенного образа, что у великого государя вверху”. Красками и аспидом художник украшает в эту пору “каменное новое крыльцо с переходы”, пристроенные к церкви, не забывая и “перегородку каменную” у крыльца¹⁷. Пишет он тогда же и в церкви преподобномученицы Евдокии, также “что у великого государя вверху”¹⁸.

Судьба певчего и музыканта, несостоявшегося дипломата, ученика само-

го Симеона Полоцкого и “однокашника” Сильвестра Медведева, возможно, не волновала бы нас столько, если бы не прямая причастность Репского к целой череде незаурядных событий в истории отечественной культуры далекой и удивительной эпохи, “лицам”, без преувеличения говоря, стоявшим в непосредственной близости к процессам, завершившимся чудесным преобразованием старого искусства в невиданное, новое — отрешившееся от “тени” Средневековья...

Вспомним, что учился Репский у потомственного западноевропейского живописца Петера Энгельса, родом гамбуржца, но побывавшего, между прочим, и в благословенной Мекке художников Италии. Ему, Репскому, — как исполнителю “штук, которые налегают до комедии”, — конечно же, доводилось общаться и с тем, кого величают “основателем российского театра” — Иоганном-Готфридом Грегори, сыном врача из немецкого города Марбурга.

А прежде Энгельса и Грегори, довелось Репскому сблизиться и с Симеоном Полоцким, и с Сильвестром Медведевым, и с Афанасием Лаврентьевичем Ординым-Нашокиным... Жизнь сводила его с людьми, сколь знаменитыми, столь и незаурядными, принимавшими самое деятельное участие в созидании новой России. Даже Артамон Матвеев, при всей противоречивости его личности и однозности роли, сыгранной в судьбе нашего героя, принадлежал к числу несомненно ярких, недожизненных натур. Женившийся на шотландке (она, правда, скончалась еще до “закабаления” боярином Репского), Матвеев, как свидетельствуют современники, демонстрировал совершенную приверженность западному быту: “дом его был убран по-европейски, с разрисованным потолком, картинами немецкой работы” и многочисленными затейливыми часами...¹⁹ Что до картин, то на день составления, по царскому указу, общей росписи всего матвеевского имущества (в эту пору впавший в немилость Артамон Сергеевич находился уже на воеводстве в суровом Верхотурье) — в собственности бывшего воспитателя царской невесты состояло не менее двух десятков (!) лишь светских портретных полотен. В том числе, “персоны” польских королей Яна Казимира и Михаила Вишневецкого, Ильи Милославского, тестя царя, самого Артамона Матвеева (причем, сразу в двух видах), его сыновей Ивана и Андрея...²⁰

В годы своего “блеска” из собственных дворовых, к коим следует, конечно, причислить и “злосчастного” Василия Репского, Матвеев составил самую настоящую актерскую труппу (для театральных забав государя). И, следовательно, судьба непременно должна была столкнуть нашего художника и со Степаном Чижинским — украинцем, явившимся в Москву почти десятилетием позднее Василия Репского (между сентябрем 1674-го и августом 1675-го), то есть, в самый разгар подневольной артистической дея-

тельности последнего. Не исключено, что "комедию о Давиде с Голиафом", которую режиссировал Степан, попутно уча "комедийному делу" восемьдесят человек "всякого чину"²¹, можно в какой-то степени, — условно, конечно, — почесть совместным детищем Чижинского и Репского...

Самое позднее известие о Василии Ивановиче Репском (да, именно так звучало полное имя-отчество нашего героя²²) датируется, увы, 1678 годом. Жаль, что блистательное начало его жизненного пути — в окружении плеяды ярчайших "звезд" эпохи — после побега из боярской неволи, видимо, не получило равно незаурядного продолжения. Впрочем, мы еще так мало знаем об этом художнике... Слишком цепко хранит свои тайны далекий и неповторимый семнадцатый век...

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. — М., 1910. — С.231.

² См.: Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т.1. — Казань, 1914.

³ Там же. — С.320, 192; Эйнгорн В.О. Очерки из истории Малороссии в XVII в. — М., 1899. — С.281, 282, 292, 299.

⁴ См.: Эйнгорн В.О. Указ. соч. — С.299.

⁵ Харлампович К.В. Указ. соч. — С.320, 394—395; Эйнгорн В.О. Указ. соч. — С.299—300.

⁶ Русская историческая библиотека. Т.ХI. — СПб., 1889. — С.305—306; Эйнгорн В.О. Указ. соч. — С.299; Харлампович К.В. Указ. соч. — С.320.

⁷ Цит.: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321.

⁸ Цит.: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321; см. также: Эйнгорн В.О. Указ. соч. — С.368—369.

⁹ См.: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.322, 382—383; Богданов А.П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. — М., 1990. — С.284—285.

¹⁰ См.: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321; Журнал Министерства народного просвещения. — 1897. - Ч.СССХIV (ноябрь). — С.104, 118, 119.

¹¹ См.: Журнал Министерства... — С.104; Богданов А.П. Указ. соч. — С.286; Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321, 292—293; Успенский А.И. Указ. соч. — С.310. О П.Энгельсе см.: Thieme U., Becker F. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. X. — Leipzig, 1914. — S.546.

¹² Цит.: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321.

¹³ См.: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321—322; Богданов А.П. Указ. соч. — С.286.

¹⁴ Цит.: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321; см. также: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321—322.

¹⁵ Там же. — С.321.

¹⁶ Там же. — С.321—322.

¹⁷ Цит.: Успенский А.И. Указ. соч. — С.231. См.: Харлампович К.В. Указ. соч. — С.321—322.

¹⁸ Цит.: Успенский А.И. Указ. соч. — С.231.

¹⁹ Цит.: Энциклопедический словарь /Изд. Ф.Брокгауза и И.Ефрона. Т.ХVІІІ^А (Малолетство—Мейсцагола). — СПб., 1896. — С.779.

²⁰ См.: Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1900. — Кн.2, Отдел V. — С.13.

²¹ Цит.: Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1882. — Кн.3. — С.4.

²² См.: ЦГАДА. Ф.396. Оп.12. Ед. хр. 17903. Л.6.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов России (Москва).